

УДК 94(57)

DOI: 10.17223/19988613/58/28

Л.И. Шерстова

**РЕЦЕНЗИЯ: КИМЕЕВ В.М., КОПЫТОВ А.И. ГОРНАЯ ШОРИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ :
МОНОГРАФИЯ. КЕМЕРОВО : ПРИМУЛА: 2018. 600, 24 с.**

Современная отечественная историография пополнилась новой монографией, которая дает полное и всестороннее представление об одном из регионов Сибири – Горной Шории. Один из ее авторов – В.М. Кимеев – является признанным этнографом, посвятившим свою жизнь изучению этнографии и истории коренного населения этого региона Сибири. Данная монография, написанная в соавторстве с А.И. Копытовым, раскрывает природное, историческое, этнографическое своеобразие Верхнего Притомья.

Актуальность подобных исследований не вызывает сомнений, поскольку процессы, протекающие в современном мире, направленные на унификацию и нивелирование культур, обостряют вопрос о сохранении культурной идентичности как на уровне отдельной личности, так и касаются народов в целом. Включения новаций – неизбежный и объективный процесс развития этноса и культуры. Всякая ныне существующая традиция когда-то была новацией. Проблема заключается в том, что современные процессы глобализации не признают права народа на выбор новации или отказ от нее. Процесс глобализации рассматривается как универсальный, прогрессивный ход истории, на пути которого нет места для сохранения самобытности. Европейская ментальность, построенная на отрицании «чужого», опирающаяся на модель черно-белого восприятия мира, казалось бы, не дает шансов культурам «незападного» типа не только для развития, но хотя бы для сохранения.

Однако, как показывают исследования, в том числе и данная монография, традиционные культуры, даже серьезно трансформированные, как, например, шорская, сохраняют потенциал адаптации и продолжают воспроизводить себя хотя бы в форме культурного явления, которое названо авторами термином «неотрадиционализм». К нему можно относиться по-разному, но не признать его существования невозможно. В монографии убедительно показано, как шорцы-горожане, имеющие образование, в том числе и высшее, отправляются в сельскую местность, на природу, чтобы вновь надеть на себя шорский костюм и устроить моление «родовой» горе или провести другой обряд, чтобы вновь стать «шорцем». При этом неважно, что костюм нельзя назвать традиционным, так как он вновь «изобретен», а проведение обряда – это своеобразный спектакль. Важно другое. На глазах исследователей идет процесс «создания традиции». И возможно, спустя несколько лет что-то из сконструированных элементов «новой» культуры передастся потомкам как шорская традиция и ею станет.

Авторы монографии полно показывают этот процесс не только в разделе о современной духовной культуре шорцев, но и в разделе, посвященном сохранению их культурного наследия, через описание этнографических коллекций, через их фольклор. Именно великолепное знание шорской этнографии позволило исследователям понять суть процессов конструирования «шорской» культуры. По своей сущности современный «неотрадиционализм» – это, с одной стороны, реакция деформированной в советское время традиционной культуры, а с другой – своеобразный ответ народа и культуры на рыночную экономику и глобализацию.

Монография написана на достаточной источниковой базе, а список литературы включил в себя фактически все исследования по истории Горной Шории. Благодаря этому данная работа – настолько полный и обобщающий труд, что вряд ли по этой теме в ближайшее время могут быть написаны еще какие-то сочинения.

Как и любое историческое исследование, данное издание предвзвешивает раздел по истории изучения Шории, в котором авторы не только выделяют пять его этапов, дают глубокий анализ трудов предшественников, отдают им дань уважения, что, безусловно, подчеркивает их высокую профессиональную культуру, но на соответствующих страницах помещают их фотографии. Это очень важно, так как наука должна ассоциироваться с конкретными людьми, а не быть обезличенной, как это часто бывает.

Особый научный интерес вызывают главы, посвященные проблемам этногенеза и формирования шорского этноса. Авторы исследования стоят на позициях примордиалистского подхода в понимании сложения этносов. Следует отметить, что в связи с кризисом отечественной этнологии в 1990-е гг., когда беспощадно критиковалась теория этноса и этнических процессов, а сам этнос объявлялся «конструктом» некоей «элиты», даже если речь шла о народах, у которых ее и не существовало, поскольку это явление модернизированного общества, произошел отказ от того уникального научного наследия, которое было создано поколениями отечественных этнографов. При этом часто основными аргументами против примордиализма были тезисы о том, что это «неправильная» и «устаревшая» концепция.

Главным в этой дискуссии была не столько критика концепции Ю.В. Бромлея, труды которого, как правило, критики не читали, и уж тем более не пытались их использовать в собственных штудиях, сколько полное

отрицание ее права на существование в «современной» науке. И это неудивительно, так как чтобы исследовать этногенез конкретного народа, нужно не просто знать «правильную» теорию, но и владеть обширными познаниями конкретного фактического материала по истории, этнографии, политике, экономике, необходимо вести многолетние полевые работы. Все это слишком затратно, а подчас и некомфортно. Поэтому проще всего было объявить примордиализм «устаревшим» и, ссылаясь на «передовые» теории западных исследователей, сделать все, чтобы дискредитировать его в отечественной этнологии. Одно время даже употребление термина «этнос» считалось недопустимым в постсоветской науке.

Между тем именно интерпретации своего происхождения, своей истории являются основой для создания «этнических» мифов в национальной идеологии любого этноса, что особенно ярко проявилось в период «возрождения национального самосознания» в постсоветский период. Именно «великое прошлое», «великие предки» не просто демонстрировали деформированное этническое сознание, но и становились «ориентирами» для настоящего. В результате осложнились и без того непростые межэтнические отношения, доставшиеся от советской эпохи. Не избежал этого соблазна и шорский народ. Однако время существования таких мифов было ограничено, и серьезных последствий они не имели. Почему? Да потому, что задолго до их появления В.М. Кимеевым в его многочисленных исследованиях не только был прослежен этногенез шорцев, но и были выделены их основные этнические субстраты, их взаимопроникновение, показана гетерогенность населения Верхнего Притомья на момент появления у них этнонима «шорцы» и образования Горно-Шорского национального района.

Именно его концепция шорского этногенеза, аргументированные выводы, касающиеся этнических процессов, протекавших в среде аморфного тюркоязычного населения региона, базирующиеся на глубоком знании их истории и этнографии, стали той основой, которая не позволила укрепиться в сознании шорцев «мифическим» сюжетам. Ведь подчас именно незнание, невежество даже истории собственного народа – вот то поле, на котором «произрастает» этническое мифотворчество.

В данной монографии В.М. Кимеев вернулся к основополагающей проблеме отечественной этнологии – этногенезу народа. Можно согласиться с автором относительно того, что не стоит называть современными этнонимами те общие этнические компоненты, которые могут встречаться у разных народов Саяно-Алтайского нагорья. Исходя из того, что этнонимика здесь сложилась во многом в результате политики национального строительства, не может, например, род карга быть «хакасским» или «шорским», а род «чедыбер» шорским или кумандинским до появления и закрепления этнонимов «шорцы», «хакасы», «кумандинцы». Следует помнить одну особенность социального структурирования народов Южной Сибири и Центральной Азии: то, что мы по привычке называем родами, – это осколки ранее существовавших этносов,

которые в результате этнических процессов приобретали экзогамность и встраивались в социально-экономическую структуру нового этноса. Поэтому в силу различных причин они могли стать и становились этническими компонентами разных современных народов. Отсюда бессмысленно считать какой-то род изначально шорским, хакасским или кумандинским. И этот вывод – серьезный удар по этническим мифам, в которых присутствует стремление противопоставить внутри современных народов Саяно-Алтая «своих» «чужим».

Не менее интересны и содержательны материалы по материальной и духовной культуре шорцев, приведенные в монографии. Это полное описание традиционного образа жизни, занятий, жилищ, поселений, одежды шорцев. Рассмотренные сюжеты имеют большое научное значение, так как авторы везде приводят шорскую терминологию, что может стать дополнительным предметом исследований по сравнительной этнографии, в частности с этнографическими материалами народов таежной зоны Сибири. Данную монографию отличает и разнообразный иллюстративный материал, что дает возможность визуально познакомиться с основными предметами материальной культуры шорцев. Шорская терминология и фотографии очень важны для реконструкции этнических процессов, протекавших в древности как в горно-таежной, так и в таежных зонах Сибири. Именно они могут стать дополнительным материалом для реконструкции прасамодийских, енисейских, древнеиранских субстратов в этногенезах современных народов региона.

Монография «Горная Шория» дает полное представление и о современном развитии региона. В последней главе подробно рассматривается процесс его превращения в развитый промышленный край. Очень важно, что показана преемственность в этом развитии – от металлургии дорусского периода до мощных производственных предприятий современности. Благодаря этому Горная Шория предстает не только как регион, сохранивший культурное, «этнографическое» своеобразие, не как застывший музей под открытым небом, но и как край, который интенсивно развивается. И это еще одна проблема, поднятая в монографии – сохранение этнических традиций в условиях индустриального развития. При этом, кажется, в Кузбассе выход был найден: через развитие туризма, в том числе и этнического, что позволяет коренному населению ощущать значимость своей культуры, а значит и ощущать свою причастность к современности.

Рассматривая монографию В.М. Кимеева и А.И. Копытова как глубокое многоплановое исследование Горной Шории, тем не менее следует отметить, что, на мой взгляд, непонятно почему из сферы внимания авторов выпала история и культура нешорского населения региона. Возникнув в 1618 г., Кузнецкий острог первоначально не имел постоянного гарнизона, его обслуживали «годовальщики» из Томска. Но постепенно в остроге складывается свое общество казаков и служилых людей, подселяются крестьяне, т.е. с XVII в. формируется собственное старожильческое население. В отдельные периоды истории казаки Кузнецкого

острога не только возмущались своими воеводами, но и грозились уйти «за Бию-реку, на Дон», т.е. отличались свободолюбивым нравом. И это была не простая угроза, так как вплоть до середины XVIII в. часть аборигенного населения Кузнецкого уезда была русско-джунгарскими двоеданцами, а западные и южные его границы были открыты.

Поэтому территория, слабо контролируемая властью, была притягательной для различных беглецов, в том числе и старообрядцев. В результате из казаков, служилых людей, крестьян и различных беглых, а также за счет включения в их состав части русифицированных аборигенов, в Горной Шории шел процесс формирования и русского старожильческого населения. Думается, его культура, образ жизни, механизмы адапта-

ции в горно-таежной зоне также могли бы стать предметом исследования и войти самостоятельным разделом в данную монографию. Не менее интересно было бы исследовать и поздние миграции, в частности переселения крестьян в Столыпинскую реформу, а также процесс усложнения национального состава в годы первых пятилеток, в военный и послевоенный периоды. Стоит надеяться, что эти сюжеты будут включены специальными разделами при переизданиях данной монографии. Что такие переиздания будут, я не сомневаюсь. Этот труд, безусловно, окажется нужным не только для профессиональных историков и этнографов, он будет интересен и для жителей Горной Шории, и для многочисленных туристов, приезжающих в этот удивительно сказочный, добрый край.

Sherstova Lyudmila I. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sherstova58@mail.ru

REVIEW: KIMEEV V.M., KOPYTOV A.I. MOUNTAIN SHORIA: HISTORY AND MODERNITY. HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC ESSAYS. KEMEROVO : PRIMULA: 2018. 600, 24 p.